

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья России в структуре бытовых сословных ценностей крупных помещиков в 50-90-е гг. XIX в.

Шаповалова И. В.

Шаповалова И. В. Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья России в структуре бытовых сословных ценностей крупных помещиков в 50-90-е гг. XIX в. В статье рассматривается проблема социально- психологической дистанцированности крупных помещиков от мелких в контексте повседневности.

Ключевые слова: дворянство, мелкие помещики, психология, быт.

Шаповалова І. В. Дрібнопомісне дворянство Центрального Черноземья Росії в структурі побутових станових цінностей великих поміщиків у 50-90-і рр. XIX ст. У статті розглядається проблема соціально-психологічної дистанційованості великих поміщиків від дрібних в контексті повсякденності.

Ключові слова: дворянство, дрібні поміщики, психологія, побут.

Shapovalova I. V. Landed Gentry of the Central Blackearth Region of Russia in the Structure of the Household Class Values of Large Landlords in the 50-90-ies of the XIX Century. In the article is examined the problem of social and psychological distancing of the large landlords from small ones in the context of everyday life.

The Keywords: gentry, small landowners, psychology, life.

О тношение к любой сословной общности со стороны других сословных корпораций или иных страт в рамках одного сословия часто выражалось весьма определенным прозвищем, которое подчеркивало саму сущность конкретной страты или сословной группы. В рамках поместного дворянства мелкопоместная страта владельцев получила прозвище “мелкотравчатые”, в основе данного словосочетания лежит уничижительный для дворянского статуса слово мелкий [17, с. 308]. Само понятие мелкотравчатый в XIX в. трактовалось филологами как луг заросший мелкой травой [8, с. 316] или имело охотничье определение, когда охотник имел до 12 собак, но без гончих. В любом случае, данное прозвище, зародившееся в среде крупнопоместного дворянства, однозначно подчеркивало определенную дистанцированность крупных поместных владельцев от мелких и бедных помещиков. Для этого у них были веские основания.

© Шаповалова И. В.

Различные мировоззренческие принципы и сословные ценности в крупных стратах дворянства и в семьях мелких помещиков закладывались с детства. В дореформенный период в богатых помещичьих семьях с крестьянами дети почти не общались: те жили отдельно, в деревне, и появлялись на господском дворе лишь по праздникам или в каких-то особых случаях. В деревню детей водили (а чаще возили) достаточно редко. Но наиболее тесные связи возникали у дворянских детей с обитающими в доме и усадьбе крепостными-дворовыми людьми, которые и были для них главными представителями “народа”. Богатые дворянские семьи, как правило, отличались высокой культурой и детям запрещалось чванливо относиться к слугам, так как это нарушало понятие о дворянской чести. Как свидетельствовал граф М. Д. Бутурлин: “Не слышал никогда, чтобы мой отец обозвал кого-нибудь (из прислуги) дураком. Вспылит бывало, но через две минуты все проходило и тут же подзовет для какого-нибудь приказа провинившегося человека: “Эй ты, голубчик, поди-ка сюда” всем им он говорил “голубчик”. Боже избави, чтобы мы, дети, осмелились сказать бранное слово кому-нибудь, а если кто из нас поднял бы руку в запальчивости, то велено было этим же нам отплатить... Чваниться с прислугой строжайше было нам запрещено...но (слуги-И. Ш.) ни когда не забывались перед нами...” [1, с. 68-69].

Чваниться перед прислугой и грубить ей было запрещено и в значительно более скромной по положению семье Шеншиных. “Всякая невежливость с моей стороны к кому-либо из прислуги не прошла бы мне даром”, – вспоминал А. А. Фет [1, с. 68-69]. Конечно были и исключения в семьях богатых самодуров, но правила хорошего тона запрещали крик и оскорбления в адрес слуг.

В мелкопоместных семьях все было наоборот. Территориальные мизерные рамки мелкого поместья, нередко в несколько десятин, не позволяли крепостным крестьянам иметь свое личное пространство, как в крупных поместьях. Мелкие помещики очень часто жили под одной крышей со своими крестьянами, а окружающая бытовая среда была далека от дворянских культурных ценностей. В качестве подобного примера приведем описание имения помещиков Савенковых из Щигровского уезда Курской губернии, расположенное в деревне Белый Колодезь. В 1842 г. площадь земельных угодий насчитывала 27 дес. пашни, 2 дес. усадебного места и конопляника и 0,5 дес. хворостного и строевого леса, а крепостное население состояло из одного работника мужского пола. Строевое было представлено “жилым домом об одной комнате, разного леса, с потолком дощатым, без моста (т.е., видимо, без пола) с кирпичной печью, людской избой и тремя пунями. Обстановка дома состояла из двух икон, стола с ящиком и двух стульев” [5, л. 3-3 об.]. Низкий культурный уровень мелкопоместных владельцев, в совокупности с помещичьим традиционализмом и постоянным непосредственным контактом с крепостными, приводило к включенности

помещичьих детей к эксплуатации своей “крещенной собственности”. Сводилось это к передаче распоряжений, контрольным функциям и т.д. То есть, воспитательная среда была совершенно иной, чем в крупнопоместных имениях. Это подтверждает С. Н. Терпигорев (С. Атава), выходец из тамбовских помещиков: “...отношения мелких к своим крепостным были положительно невозможные. Надо вообще принять за аксиому, что чем меньше был помещик, тем хуже и тяжелее жилось его мужикам” [17, с. 311]. Е. Н. Водовозова, характеризуя образовательный и культурный уровень “мелкотравчатых”, подчеркивает: “Книг в их домах, кроме сонника и иногда календаря, не существовало, чтением никто не занимался, и свое безделье они разнообразили сплетнями, игрою в “дурачки” и “мельники” и поедом ели друг друга... Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы вроде следующих: “Я- столбовой дворянин!” [3, с. 180-181]

Современники утверждают, что низкая культура и нередкая безграмотность была характерной чертой для большинства мелкопоместных дворян и это, естественно, вызывало вполне определенную социальную отчужденность у представителей верхних страт дворянства, включая губернаторов и министров. В отчете курского губернатора накануне отмены крепостного права подчеркивалось: “Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно, т.к. образование у них менее развито. Сверх сего можно заметить и то, что за исключением некоторой части мелкопоместных дворян, остальные или вовсе не служили в здешних присутственных местах, находятся в отставке и живут большею частью по деревням и хотя живут большею частью по деревням и хотя иногда и занимаются улучшением своего благосостояния, устройством заводов и т.д., но чаще предаются совершенной праздности, которые, в свою очередь, отчуждают их от своих и взаимных отношений” [12, л. 56]. Губернатор в отчете императору подчеркивает низкий образовательный и культурный уровень мелкопоместных дворян, а так же их стремление к праздному образу жизни. То есть, он полностью их противопоставляет представителям высших страт дворянства. Такие представления о мелкопоместном дворянстве были весьма распространены в верхних стратах благородного сословия. В 1816 г. в проекте “О постепенном уничтожении рабства в России”, подготовленным на имя императора флигель-адъютантом П. Д. Киселевым указывалось на необходимость введения майданов, “...это полезно и потому, что таким образом уменьшится число мелкопоместных дворян, которые “от скудности и невежества отягощают непомерным образом бедственное состояние рабов, им принадлежавших” [16, с. 435]. Граф А. И. Чернышев, обсуждая на секретном комитете 1840 г. судьбу дворовых, предлагал: “...секретно скупать в казну мелкопоместные имения, в которых “скорее можно найти разные вымогательства, а иногда и самые истязания” [16, с. 113]. Но венцом

внутрисословной отчужденности было предложение М. Н. Муравьева в начале царствования Николая I о решении проблемы деградации мелкопоместного дворянства. Решение вопроса должно было быть весьма радикальным: “...Выселить многих на Кавказскую или Сибирскую линию, сделать из них род охранного войска, оставя им их привилегии, которые там вредны быть не могут ни для общества, ни для них...” “... Нет никакого сомнения, уверял он, что несчастные сии дворяне, имевшие собственности лишь несколько десятин земли... без неудовольствия на сие согласится...” [9, с. 208].

Примечательно, что проблема недворянского образа жизни “мелкотравчатых” подымалась на протяжении фактически всей первой половины XIX века и стала определенной аксиомой в высших стратах дворянства. Тем не менее, обобщенный образ жизни мелкопоместного дворянина в представлении верхних групп благородного сословия был таки упрощенным. На самом деле, как можно было сравнивать владельца 2-3 или 80-100 дес. с соответствующим количеством ревизских душ. Социально- культурный разрыв в рамках мелкопоместной страты был очевиден. Здесь необходимо учитывать и тот факт, что в данную страту официально переходили обедневшие среднепоместные владельцы или наследники крупного поместья после его раздела. Они, как правило, представляли верхние подгруппы мелкой страты дворянства- от 50 до 100 дес. Культурно- образовательный уровень был здесь несоизмеримо выше, тем не менее, они осознавали свое место в сословной структуре общества. Е. А. Лабзина, вспоминая свое детство в мелкопоместной семье, в частности занятия с няней, отмечает: “Когда она учила меня вышивать, то говорила: “Учись, матушка, может быть труды твои будут в жизни твоей нужны. Ежели угодно будет Богу тебя испытать бедностью, то ты, зная разные рукоделия, не будешь терпеть нужды и будешь доставать хлеб честным образом и еще будешь веселиться” [11, с. 21]. Приучение к элементарным трудовым навыкам детей в большинстве мелкопоместных семей скорее было правилом, чем исключением. Недаром современники отмечали: “... На Руси много было мелкопоместных дворян, положение которых представляло весьма горькую участь; их быт мало отличался от крестьянского, жили они часто в избах, со своими же крепостными мужиками, и пахали, и сеяли, и убирали сами с полей свой хлебушко. Хорошо, если судьба сталкивала этих бедняков с соседними зажиточными помещиками, иной раз примут в них участие, рассуют детей по училищам или определят сына в полк на свой счет или дочери сошьют приданое” [14, с. 375-376]. Другими словами, у мелкопоместных дворян жизненный выбор был не велик, сеять “хлебушко” или благодаря щедротам богатых родственников или соседей “выбиться в люди.” Поэтому готовность к трудовой деятельности была жизненно необходимой.

Для небольшого количества мелкопоместных дворян была возможность поместить своих детей в казенные учебные заведения, число которых было

весьма ограничено, а на частные у них не было денег. В этом случае они представляли соответствующие свидетельства об отсутствии материальных средств на обучение. В одном из таких свидетельств говорилось: “Свидетельство, дано это отставному Штабс-капитану Иосифу Игнатьевичу Королеву для ходатайства об определении малолетней дочери в какое-либо женское учебное заведение на казенное содержание, в том, что Королев, не имеет никакого движимого имения и капитала, а пользуется одним пенсионом 160 руб. в год, которого едва достаточно на содержание его с семейством, заключающегося в жене и 3-х малолетних детей” [4, л. 17]. Данное свидетельство было адресовано для рассмотрения предводителю дворянства Павловского уезда Воронежской губернии. Первое что обращает на себя внимание, так это просьба отца отдать дочь в любое казенное учебное заведение, понимая, что выбора у них все равно нет.

В своем письме помещик Корочанского уезда Курской губернии М. Ушаков просит предводителя дворянства Н. Е. Гонгардта, помочь ему отдать свою племянницу в казенное заведение: “Милостивый государь, Николай Егорович! Извините меня, что беспокою Вас: родная сестра жены моей Марья Ивановна Аматова, оставшись после мужа с двумя малолетними детьми безо всякого совершенного состояния, желает поместить дочь свою в казенное заведение, на казенный счет, для чего нужно от вас свидетельство, что сестра моя никакого состояния не имеет” [6, л. 1]. Данное прошение свидетельствует об отсутствии каких-либо жизненных перспектив у семьи Марьи Ивановны и вся надежда у нее на помощь родной сословной корпорации.

В пореформенный период внутрисословная отчужденность, даже пренебрежение, у представителей верхних страт дворянства к мелкопоместным владельцам осталась. В отдельных случаях даже усилилась. Во многом, это было связано с тем, что к условиям пореформенной социально-экономической модернизации мелкие поместья были готовы менее других и их деградация шла быстрыми темпами. В рассматриваемом регионе существовали целые деревни населенные исключительно мелкопоместными дворянами, чей жизненный уровень не отличался от крестьянского. По этому поводу И. Вернер указывал, применительно к 80-гг. XIX в.: “...Первую группу составляют захудалые дворяне, живущие в деревнях жизнью обыкновенных крестьян; иногда они составляют самостоятельную деревню, как, например, колония близ Курска, в которой живут однофамильцы Толмачевы, или, как называют в округе, “Толмачишки”. Дворяне эти живут в крестьянских избах, ходят в лаптях и нередко нанимаются в батраки к крестьянам. В эту же группу входят владельцы, с давних пор переехавшие в города и сдающие свои участки крестьянам; из них рекрутируются мелкие чиновники в различные канцелярии и вообще весь контингент привилегированных пролетариев” [2, с. 55]. Батрачество и готовность идти в пролетарии не как не были совместимы с понятиями дворянской чести и достоинства. Это понимали

сами мелкотравчатые и, при каждом удобном случае, старались через внешнюю атрибутику подчеркивать свой дворянский статус. Так, женщины и девушки из мелкопоместных Толмачевых на церковные праздники в местную церковь приходили в шляпах, с зонтиками, но иногда и в калошах [10, с. 57]. Этим самым, подчеркивалось, что крестьяне им не равня. Но все это, вызывало только смех у окружающих, а у представителей верхних страт дворянства досаду и разочарование.

В тоже время, в официальных документах пореформенного периода тон высказываний в адрес мелкопоместных дворян смягчается, что, вероятно, было связано с обострением в российском обществе вопроса о роли дворянства. В ряде случаев просто избегали упоминания о них, хотя из сути высказываний становилось ясно о критическом отношении к мелкопоместным дворянам. В отчете губернатора Курской губернии за 1885 г., в важнейшем разделе о хозяйственной деятельности говорилось: “... правильное ведение сельского хозяйства сделалось достоянием весьма не многих крупных хозяев” [13, л. 5]. Прямого указания на хозяйственную нерадивость мелкопоместных дворян нет, но характер высказывания прямо подчеркивает это.

Примечательны в этом плане мемуары. Предводитель Коротоякского уездного дворянства Воронежской губернии Л. М. Савелов в своих “Воспоминаниях”, описывая 90-е гг. XIX в., делит все дворянство на две категории: дворянство и мелкопоместное дворянство. По сути он их противопоставляет. Если было необходимо подчеркнуть никчемность дворянина, то обязательно подчеркивался его статус мелкопоместного. В других случаях указывались должность, чин или просто частный титул-дворянин. В качестве примера можно привести следующие характеристики, данные Савеловым: “Протоколистом дворянской опеки была своего рода знаменитость- Николай Варнавович Ляхов, тип дореформенного канцеляриста, ему было бесконечное количество лет, он был местным мелкопоместным дворянином и с юных лет занимал эту должность. Иногда он избирался и членом опеки, но несмотря на множество лет, проведенных в опеке, она не блистала у него большим порядком, хотя дел в ней было совсем не много” или “Субботин, мелкопоместный дворянин, ничего не изображал (не представлял- В. Ш.), неожиданно попал в члены управы, прослужил одно трехлетие и исчез с нашего горизонта” [15, с. 31, 40].

Кроме базовых культурных и образовательных ценностей мелкотравчатых, владельцев крупных имений шокировала сама система взаимоотношений в мелкопоместной среде, которая, как считали они, позорит дворянское достоинство. С. Н. Терпигорев (С. Атава) в рассказе “Дворянин Евстигней Чарыков” из цикла “Потревоженные тени”, основанном на детских и юношеских воспоминаниях, рисует подобную картину. “...Но мы слышали однажды и целое большое рассуждение об этих всевятских помещиках (мелкопоместных- И. Ш.).” Был у нас

однажды дядя Сережа, брат отца, который был в то время представителем, и при нем кто-то приехал из соседей и рассказывал, что сейчас, проезжая по Всесвятскому, видел возмутительную сцену- драку Зыбиных с Чарыковыми, в которых принимали участие и их крестьяне, вооруженные чем попало и бывшие господ тоже по чем попало.

Этот сосед приехал перед самым обедом, и когда сели за стол, он начал рассказывать.

Слушая его, дядя был возмущен и все говорил, что допускать существование подобных дворян- это значит позорить всех остальных, все сословие.

- Но что же с ними делать?- возражали ему.

- Приписать их куда-нибудь, к другому какому-нибудь сословию. Те сословия податные - им все равно.

- Но это значит лишить их дворянского звания.

- Об этом я и говорю.

- Но тогда, по произволу, можно будет, чуть что, и других лишать дворянского звания.

- Непременно!

- Но к чему же тогда это поведет?

- А вот к тому, что этой срамоты не будет.

- Все равно они будут драться.

- Но тогда не будут говорить, что это дворяне дерутся. Позора сословного не будет, соблазна не будет” [18, с. 270-271].

Е. Н. Водовозова подтверждает бытовые зарисовки из жизни мелкопоместных, представленные у Терпигорева. “Там, где мелкопоместные жили в близком соседстве один от другого, они вечно ссорились между собой, взводили друг на друга ужасающие обвинения, подавали друг на друга жалобы властям. Когда бы вы ни проходили по грязной улице, застроенной их домами, всегда раздавались их крики, угрозы друг другу, брань, слезы.

... Нередко среди улицы происходили жесточайшие драки: я сама была свидетельницей одной из них в 1855 г. Две соседки, особенно сильно враждовавшие между собой из-за детей, ошпарили кипятком одна другую. Обе они кричали так, что все соседи начали выбегать на улицу и ну бросать в друг друга камнями, обрубками, а затем сцепились и начали давать друг другу пинки, таскать за волосы, царапать лицо... К двум враждовавшим сторонам прибежали их дети, родственники и крепостные, уже вооруженные дубинами, ухватами, сковородами. Драка сразу приняла свирепый характер,- это уже были два враждебных отряда: они бросались молотить один другого дубинами, ухватами, сковородами; некоторые, сцепившись, таскали один другого за волосы, кусали” [3, с. 181] Современники отмечали особую активность в этих разборках и в издевательствах над крепостными мелкопоместных женщин [7, с. 208].

Таким образом, как дореформенный период, так и пореформенный внутри поместного дворянства существовала психологическая дистанцированность высших страт от низших. Уничжительное отношение к “мелкотравчатым” доходило даже до того, что бы вообще их исключить из дворянского сословия, дабы они не позорили его. Такая социально- психологическая дистанция была опосредована разительной несхожестью в повседневной деятельности отдельных страт дворянства. Внутри самой мелкопоместной страты, так же, существовала относительно большая дистанцированность низших подгрупп (до 10 дес.) от верхних подгрупп (около 100 дес.). Представители верхних подгрупп мелкопоместного дворянства по уровню образованности и культуре близко подходили к среднепоместному дворянству, так как, в мелкопоместное дворянство переходили средние помещики после дробления имений или разорения.

Примечания

1. Бокова В. Отроку благочестие блюсти... Как наставляли дворянских детей / В. Бокова. – М., 2010.
2. Вернер И. Землевладение и земледелие в Курской губернии / И. Вернер // Русская мысль. – Год восьмой. – Книга IV. – М., 1887.
3. Водовозова Е. Н. На заре жизни. В 2 т. / Е. Н. Водовозова. – М., 1987. – Т. 1.
4. ГАВО. – Ф. И- 30. – Оп. 1. – Д. 2288.
5. ГАКО. – Ф. 59. – Оп. 2. – Д. 3213.
6. ГАКО. – Ф. 341. – Оп.1. – Д. 126.
7. Головин А. В. Записки для немногих / А. В. Головин. – СПб., 2004.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. / В. И. Даль. – М., 1998. – Т. 2.
9. Долбилов М. Д. “... Считал себя обязанным в сем участвовать”. Почему М. Н. Муравьев не отрекся от “Союза благоденствия”? / М. Д. Долбилов // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. – М., 2008.
10. Донченко Ю. В. Курские дни князя Саши Ратиева / Ю. В. Донченко. – Курск, 2007.
11. Лабзина Е. А. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины / Е. А. Лабзина. – М., 1996.
12. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 6. – Д. 64.
13. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 223. – Д. 65.
14. Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом / Е. А. Сабанеева // История жизни одной благородной женщины. – М., 1996.
15. Савелов Л. М. Из воспоминаний. 1892–1902 / Л. М. Савелов. – Воронеж, 1996.
16. Семеvский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. / В. И. Семеvский. – СПб., 1888. – Т. 1.

17. Терпигорев С. Н. (Атава С.) Собрание сочинений. / С. Н. Терпигорев. – СПб., 1899. – Т. 1. – Ч. 1.
18. Терпигорев С. Н. (Атава С.) Потревоженные тени / С. Н. Терпигорев. – М., 1998.

УДК 94: [373.3: 614.2] (477.54) "18/19"

Санітарно-гігієнічний стан земських шкіл та його вплив на здоров'я учнів та вчителів у другій половині XIX – на початку XX ст. (на прикладі Харківської губернії)

Жуков С. М.

Жуков С. М. Санітарно-гігієнічний стан земських шкіл та його вплив на здоров'я учнів та вчителів у другій половині XIX – на початку XX ст. (на прикладі Харківської губернії). У статті охарактеризовано санітарно-гігієнічний стан земських шкіл Харківської губернії у другій половині XIX – на початку XX ст., заходи місцевого самоврядування, спрямовані на формулювання санітарних вимог та їх дотримання, реакцію селянства на ці дії. Проаналізовано вплив умов навчання на стан здоров'я учасників навчального процесу, названо «професійні» захворювання народних учителів.

Ключові слова: земська школа, санітарія, шкільна гігієна, народний учитель

Жуков С. Н. Санитарно-гигиеническое состояние земских школ и его влияние на здоровье учеников и учителей во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Харьковской губернии). В статье охарактеризовано санитарно-гигиеническое состояние земских школ Харьковской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., описаны действия местного самоуправления, направленные на соблюдение санитарных норм, реакция на них крестьянства. Проанализировано влияние условий обучения на состояние здоровья участников учебного процесса, перечислены «профессиональные» заболевания народных учителей.

Ключевые слова: земская школа, санитария, школьная гигиена, народный учитель

Zhukov S. Sanitary and Hygienic Condition of the Krarkiv Province's Zemski Schools and its Influence on the Pupil's and Teacher's Health (the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries). The

article is devoted to the analysis of the sanitary and hygienic condition of the zemski schools of the Kharkiv province in the second half of the XIX – at the beginning of the XX centuries. The condition of the school's buildings had been shown, the local self-government activities in the field of its improvement in sanitarc way had been discribed. The learning environment conditions on the pupil's and teachers health had been anlyzed, the «professional» teacher's diseases had been listed.

The Keywords: zemstvo, peasant school, sanitation, hygiene

Історичний досвід розбудови мережі початкових народних училищ у пореформеній Росії цікавий, перш за все, як приклад ефективної взаємодії громадськості, органів місцевого самоврядування, управління, а згодом і уряду в одній з найважливіших для розвитку суспільства і держави галузей. На сьогоднішній день існує багата й різноманітна історіографія історії земської школи. Більшість дослідників на сучасному етапі акцентують увагу на аналізі кількісних показників шкільного будівництва, розмірах учительських зарплат, змісті навчальних програм тощо. Повсякденному життю сільської школи приділяється менше уваги, хоча в цьому напрямку зроблено певні кроки завдяки низці як загальних [6; 7; 33], так і регіональних досліджень [36; 43; 49], написаних здебільшого російськими істориками.

Дана стаття є спробою аналізу санітарно-гігієнічного стану земських училищ і його впливу на здоров'я учасників навчального процесу у другій половині XIX – на початку XX ст. на джерельному матеріалі Харківської губернії. Всебічне вивчення цих питань убачається неможливим без характеристики заходів місцевого самоврядування, спрямованих на встановлення і забезпечення дотримання санітарних вимог щодо шкільних приміщень.

У досліджуваний період спалахи епідемій, що охоплювали різні за площею території, були мало не щорічним явищем. Друга половина 70-х – 90-ті рр. XIX ст. відзначились спалахами дифтериту [30, с. 41-45; 35, с. 7-10], скарлатини [35, с. 4-7; 41, с. 91], віспи [32, с. 75; 35, с. 11-14]. Холера [50], черевний [35, с. 15-21] і сипний тиф [35, с. 21-24] принесли багато лиха на початку XX ст.

У якості карантинного заходу органи місцевого самоврядування неодноразово вдавались до тимчасового припинення занять. Так, восени 1883 р. школи Зміївського повіту через епідемію віспи було закрито на місяць [18, арк. 5Г], навесні 1900 р. у шести училищах Сумського повіту п'ять тижнів не відбувались заняття через виявлення у дітей кору [14, арк. 8].

Перманентний характер епідемій був зумовлений не лише недостатньою ефективністю профілактичних і карантинних заходів земської медицини, а й низьким рівнем санітарно-гігієнічної культури сільських жителів. Так, на початку XX ст. у селах Валківського повіту не було жодної лазні [38, с. 27].